

Научная статья

УДК 81-2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15308>

КОМИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ И ПРОВОКАЦИЯ КОМИЗМОМ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

М.Ф. Шацкая , Т.В. Черницына

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

✉ marina.schatzckaya@yandex.ru

Аннотация. Исследование комизма в коммуникативно-прагматическом аспекте, в частности соотнесенность его с одной из разновидностей речевого воздействия – провокацией, актуально, поскольку эти два явления сходны в функциональном плане (оба речевых явления строятся на ожидаемом и неожиданном), в основе их лежит непредсказуемость иллокуции, они базируются на аксиологическом параметре. Целью исследования, лежащего в основе статьи, стало изучение провокативной коммуникации, основанной на комизме или вызывающей комизм, в художественной прозе В. Шукшина и С. Довлатова, использующих провокативность в качестве одного из средств создания комизма. Нами определены эмоционально-смысловые доминанты коммуникативной провокации в текстах авторов. Путем конверсационного и лингвопрагматического анализа функционирования языковых знаков в речи провокатора и адресата (жертвы провокации), их взаимодействия в акте коммуникации выявлена сюжетобразующая функция провокации (предлагается ее назвать комическая провокация) в рассказах В. Шукшина и кульминациобразующая (этот вид назван нами провокация комизмом) микродиалогов в прозе С. Довлатова. Установлены черты сходства и различия по параметрам: 1) основных тактик, применяемых героями-провокаторами (сходными являются ирония, дискредитация и провокативный вопрос); 2) реакции их жертв (гиперреакция и гипореакция); 3) завершенности провокации (в произведениях В. Шукшина она присутствует; у С. Довлатова оценку завершенности провокации выносятся на суд читателя). Кроме того, в произведениях С. Довлатова были найдены особые виды провокации – автопровокация и непреднамеренная провокация.

Ключевые слова: комическое, провокация, речевое воздействие, тактика, идеальный и идейный провокаторы.

Для цитирования: Шацкая М.Ф., Черницына Т.В. Комическая провокация и провокация комизмом: две стороны одного коммуникативно-прагматического явления // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 81–98. DOI: 10.18721/JHSS.15308

COMIC PROVOCATION AND PROVOCATION BY COMEDIANISM: TWO SIDES OF ONE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC PHENOMENON

M.F. Shatskaya , T.V. Chernitsyna

Volgograd State Social-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation

 marina.schatzckaya@yandex.ru

Abstract. The study of comedy in a communicative and pragmatic aspect, in particular its correlation with one of the varieties of speech influence – provocation, is relevant, since these two phenomena are similar in functional terms (both speech phenomena are based on the expected and unexpected), they are based on the unpredictability of illocution, they are based on an axiological parameter. The purpose of the research underlying the article was to study provocative communication based on comedy or causing comedy in the fiction of V. Shukshin and S. Dovlatov, who use provocation as one of the means of creating comedy. We have identified the emotional and semantic dominants of communicative provocation in the authors' texts. By means of a conversational and linguopragmatic analysis of the functioning of linguistic signs in the speech of the provocateur and the addressee (victim of provocation), their interaction in the act of communication, the plot-forming function of provocation (it is proposed to call it comic provocation) in the stories of V. Shukshin and the culminating (this type is called provocation by us comic) microdialogues in S. Dovlatov's prose is revealed. There are similarities and differences in the parameters of 1) the main tactics used by the provocateurs (irony, discredit and provocative question are similar), 2) the reactions of their victims (hyperreaction and hyporeaction), 3) the completeness of the provocation (in the works of V. Shukshin it is present; in S. Dovlatov, the assessment of the completeness of the provocation is submitted to the reader). In addition, special types of provocation were found in the works of S. Dovlatov – auto-provocation and unintentional provocation.

Keywords: comic, provocation, verbal impact, tactics, ideal and ideological provocateurs.

Citation: Shatskaya M.F., Chernitsyna T.V., Comic provocation and provocation by comedianism: two sides of one communicative and pragmatic phenomenon, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 81–98. DOI: 10.18721/JHSS.15308

Введение

Провокация – многовекторное и многоаспектное понятие. Исследование ее в коммуникации известно в рамках различных лингвистических направлений. Так, О.С. Иссерс говорит об особом виде стратегии – провокационной, подразумевая под этим «...коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим» [1] и характеризуя ее «...как конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [1]. А.Е. Козлов, И.И. Саженин рассматривают это явление в рамках прагмалингвистики, выделяя провокативный акт, который с точки зрения субъектов коммуникации «...во-первых... может являть собой коммуникативное намерение говорящего: *Я говорю это, чтобы получить реакцию R*» и, во-вторых, провокация, «...может быть непреднамеренной, однако с последовавшей реакцией R...» [2]. Е.Ю. Ионкина и В.В. Тихаева, исследуя различные интервью, рассматривают провокацию как один из приемов, применяемых журналистами в ходе беседы с адресатом [3].

В.Н. Степанов, проводя анализ манипуляции в рамках теории речевого воздействия и анализируя прямое и косвенное провокативное поведение, говорит о провокативной деятельности как

об одном из характерных способов и механизмов манипуляции, которая проводится осознанно, в отличие от спонтанной провокации, которая может быть и неосознаваемой [4, 2005]. Исследователь приходит к мысли о существовании провокативного дискурса, под которым понимает «...комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нем демонстрируемое провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования в массовой коммуникации» [4, с. 19].

Большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что «...основной *провокативный мотив* заключается в необходимости скоординировать демонстрируемое внутреннее состояние говорящего и состояние собеседника; *провокативное намерение* выражается в стремлении передать демонстрируемое психологическое состояние; *провокативная цель* – вызвать адекватную ожидаемую реакцию на собственное поведение. Провокативная *база манипуляции* выражается в мотиве *подчинения* воли другого человека собственной воле; данный мотив опирается на его априорную (само) уверенность в собственной силе и особых полномочиях» [4, с. 16]. О.С. Иссерс предлагает рассматривать тактики провоцирования в зависимости от основной интенции провокатора – вывести нужную информацию или дестабилизировать эмоциональное состояние собеседника [1]. Поэтапный механизм провокации (с точки зрения действий провокатора) описала в своем исследовании Т.А. Середухина [5]; с позиции адресата (провоцируемого) дал полную характеристику их Ю.Б. Гиппенрейтер [6]. Провоцирующее воздействие следует относить к одному из средств манипулирования сознанием, а провокативное намерение говорящего всегда направлено на изменение коммуникативной активности провоцируемого и изменение его актуального психологического состояния [7].

В.Н. Степанов выделяет две категории провокативных жанров «...по признаку лежащих в их основе глубинных *интенциональных* состояний – провокативные жанры с интенциональным состоянием *толерантность* и провокативные жанры с интенциональным состоянием *интолерантность...*» [4, с. 21]. Кроме того, лингвист подразделяет жанры (комплексные и элементарные) и характеризует их, а также приводит специфику различных реакций на провокацию.

Постановка проблемы

Категория комического служит выражению общественно значимого противоречия («цели – средствам, формы – содержанию, действия – обстоятельствам, сущности – ее проявлению»), выступающего в художественном произведении как объект критики, осмеяния [8, с. 145]. Как известно, в основе комического всегда лежит двуплановость (асимметрия плана содержания и плана выражения), игра на оппозиции норма/антинорма. Собственно, контраст, проявляющий себя в провокации, роднит его функционально с комизмом.

В функциональном плане комическое и коммуникативные провокации строятся на противоречии ожидаемого и неожиданного (об этой и других чертах комического см. [9]; авторский взгляд на механизм комического представлен в работе [10]), безобразном и прекрасном (Аристотель), ничтожном и возвышенном (Кант), истинном и мнимом (Гегель). Непредсказуемость – еще одна черта, которая роднит названные выше коммуникативные феномены (о прагматической направленности комического см. [11]).

Аксиологический параметр – основа и комического, и провокативного, поскольку в основе коммуникации всегда лежит какая-то иерархия ценностей, порой для одной из сторон эта система представляет собой нечто относительное, лишенное связей с реальной жизнью. Это часто маркируется намеренной (со стороны писателя) деформацией реалии, ее утрированием через гиперболизацию и доведением до абсурдности, чем вызывает дискредитацию предмета речи и делает явным скрытое, подразумеваемое.

Провокации существуют как в реальной жизни при непосредственной коммуникации, так и в различных видах искусства [12]. В нашем исследовании *целью* стало изучение феномена провокации, основанной на комизме или вызывающей комизм, в произведениях В. Шукшина и С. Довлатова, известных своим талантом комического отображения действительности. Выбор их прозы обусловлен наличием в ней неповторимого юмора, иронии и честности, что позволило им стать самыми читаемыми советскими писателями второй половины XX века. Несмотря на общие историко-философские, ментальные и культурные корни, творческая мастерская кинорежиссера, киноактера, сценариста и писателя В. Шукшина существенно отличается от писательской манеры журналиста и писателя-диссидента С. Довлатова.

Провокации, присутствующие в произведениях писателей, располагаются в организующих центрах текстов – «эмоционально-смысловых доминантах» [13, с. 372; 14, с. 59–61], одной из которых, по мнению Е.И. Тимошенко, следует считать ироническую [15]. Собственно, на эту доминанту будет обращено наше внимание.

Материал и методы исследования

В. Шукшин и С. Довлатов – авторы, которые в своих произведениях часто используют провокацию как средство создания комизма. Первый – выходец из народа, хорошо знающий психологию простого русского мужика со своей «чудинкой», со своей народной философией и правдой жизни. В. Шукшина интересуется человек в моменты наивысшего напряжения чувств, когда он может быть естественным, непосредственным, чтобы показать неподдельные проявления человека, вовсе не идеала [16, с. 12]. Второй писатель – автор-журналист, провокативная стратегия часто присутствует в профессиональной деятельности таких людей, возможно, это послужило причиной отражения подобного явления в его произведениях: герои-рассказчики, а также окружающие коллеги часто прибегают к одному из названных видов манипулирования. Причем герои С. Довлатова больше развлекают сами себя, а провокаторы В. Шукшина любят еще и эпатировать.

В ходе исследования применялись общенаучные (наблюдение, анализ, интерпретация) и лингвистические (лексико-семантический, контекстуальный, сопоставительный) методы, а также стилистический анализ [17, с. 33]. Ведущим был лингвопрагматический анализ, который помог провести исследование функционирования языковых знаков в речи с учетом адресанта (субъекта), адресата (получателя сообщения), их взаимодействия в акте коммуникации. Кроме того, мы обращались к конверсационному анализу, который применяется при исследовании ситуаций диалогического общения, когда реплики участников разделяются на стимулы и реакции. Это дает возможность наблюдать за изменением коммуникативного поведения коммуникантов в зависимости от реплик-стимулов, которые они направляют друг другу.

Результаты исследования

Комическая провокация в произведениях В. Шукшина

В рассказе «Срезал» ярко представлена коммуникативная провокация. Ее инициатором выступил Глеб Капустин. В деревне Новой его уважали за способность «срезать» знатного гостя, будь то полковник или ученый человек. Помериться «мускулами» есть с кем: из города к бабке Агафье едет сын с женой – кандидаты наук.

На стадии пре-коммуникации [5], подразумевающей поиск «болевых» точек адресата, любимых тем, изучение «языка» адресата, психологических особенностей, Глеб наводит справки о «кандидатах», интересуется, в какой те области преуспели: технические науки, общеобразовательные. Говоря о последних, проявляет имплицитную агрессию, применяя инвективы: *трепологией занимаются*, скрытую угрозу-обещание: *Посмотрим, посмотрим, лексы агрессии* – некорректные обидные сравнения в виде фразеологических оборотов с негативным оценочным компонентом:

Кандидатов сейчас как нерезанных собак. Ироничным по отношению к адресату, приехавшему на такси, является устойчивый оборот с негативным значением — восклицательная конструкция с измененным инфинитивом и указанием на форму выражения (посмеялся): *Ну марку-то надо поддержать!*.. Это так называемые *людемы* — специальные игровые приемы и единицы языковой игры, основанные на лингвокреативном потенциале языковой личности, в частности, «переделанные» фразеологизмы [18].

Следующим этапом провокации является контактная беседа (фатический фрейм). Глеб *взглядывал на кандидата — примеривался* и во время дружного разговора за столом *попер на кандидата*, т.е. примерил на себя роль лидера: *«В какой области выявляете себя?» — спросил он. — «Где работаю, что ли?» — не понял кандидат. — «Да». — «На филфаке». — «Философия?» — «Не совсем... Ну можно и так сказать». — «Необходимая вещь. — Глебу нужно было, чтоб была — философия. Он оживился. — Ну, и как насчет первичности?» — «Какой первичности?» — опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба* [19, с. 8].

Данный фрагмент диалога демонстрирует установление четких коммуникативных позиций: провокатор (Глеб Капустин) держит полный контроль беседы, вводит алогизм (вопрос о первичности), выбивая почву из-под ног у адресата, растерянного от неожиданного вопроса. Таким образом, установлены стереотипные реакции адресата, о чем говорит невербальный показатель *оживился*. Дальнейшее провоцирование происходит по сценарию: выход провокатора на первый план коммуникации (полный, то есть нескрытый контроль беседы, владение инициативой). Провокатор не высказывает своего мнения, а только задает провокативные вопросы, сохраняет все логические звенья коммуникации, ведя ее по методу сократического диалога, то есть своими вопросами стремится заставить усомниться адресата в своих знаниях: *«Первичности духа и материи»*. — *Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку* [19, с. 8].

Безусловно, это способствует привлечению внимания к фигуре провокатора. Следует отметить гипореакцию адресата: начинает более аккуратно и даже с опаской вести беседу. О воинствующем настрое Глеба свидетельствуют паралингвистические маркеры: *бросил перчатку, стал в небрежную позу*. Ответная реакция адресата — попытка игнорировать намерения провокатора, которая заключается в желании мирно закончить диалог, напоминаящий допрос: *«Как всегда, — сказал с улыбкой. — Материя первична...»*

Не давая опомниться адресату, Глеб продолжает «допрос»: *«А дух?» — «А дух — потом. А что?» — «Это входит в минимум?» — Глеб тоже улыбался* [19, с. 8–9].

В приведенном отрывке понятно намерение «кандидата» закончить странный и неприятный для него диалог-допрос, который он старается смягчить улыбкой и переспросом *А что?* Следующий вопрос-алогизм не имеет прямого отношения к теме беседы, являясь элементом иного фрейма, выводит из равновесия адресата: *Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься — не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?* [19, с. 9]

Провокатор продолжает диалог с единственной целью «срезать», то есть поставить адресата в неловкое положение и одержать победу, применяя при этом коммуникативную тактику самоуничтожения («игра на понижение») и оправдания [1, с. 121–124]. Без интонационных пауз, чтобы оппонент не успел опомниться, доминирующий коммуникант (провокация) применяет инвентарный алогизм (элемент другого фрейма): вопрос об определении наукой невесомости. К коммуникативной неудаче можно отнести прием «вопросом на вопрос», к которому, защищаясь, обращается адресат: *«Как всегда определяла. Почему — сейчас?» — «Но явление-то открыто недавно. — Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. — Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определяет это так, стратегическая философия — совершенно иначе...»* Показателем доминирования провокатора, контроля над инициативой, даже вызова, направленного не только на адресата,

но и на косвенных участников диалога (зрителей — деревенских мужиков), является невербальный показатель *улыбнулся прямо в глаза*.

Назревает конфликт, в том числе эмоционально-психологический, о чем свидетельствует состояние адресата: *заволновался*. Именно такую реакцию хотел вызвать провокатор. На отрицание данного факта в восклицании с инверсией и типового вопроса Глеб отвечает речевым оборотом *Да, но...* (психологический прием, игра, описанные Эриком Берном [20], который применяется для успешного преодоления возражений и замечаний):

«Да, но есть диалектика природы, — спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. — А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?»

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... Почувствовал неловкость. Позвал жену: «Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!» [19, с. 9]

Комизм ситуации налицо. Это видно и по реакции «кандидата»: *искренне засмеялся*. Однако такое чувство он испытал один: Зрители (мужики) ждали, чем он ответит. Эмоциональная дестабилизация: улыбка — *почувствовал неловкость* — позвал на помощь жену. Глеб от *диалектики природы* с помощью инвентарного алогизма перешел к теме невесомости.

Попыткой взять контроль над темой является этикетное предложение: *«Давайте установим, — серьезно заговорил кандидат, — о чем мы говорим»*. Однако тактику согласия сменяет тактика переключения внимания: *Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?* Ответная гипореакция теперь уже двух адресатов (мужа и жены) свидетельствует о комическом характере ситуации: *кандидаты засмеялись*. Резкий ответ «кандидата» о том, что нет такой проблемы, вызвал неожиданную для адресатов реакцию провокатора: *Теперь засмеялся Глеб [19, с. 10]*.

Прием «игра на повышение», который применяет провокатор, чтобы не потерять авторитет зрителей и контроль над инициативой, реализуется стилистическим средством — градацией устойчивых оборотов: *Ну, на нет и суда нет!.. Баба с возу — коню легче...* Замешательство, опасение потерять доминирующее положение в диалоге выдают невербальные и интонационные маркеры: паузы, растягивание слов, незаконченные предложения: *«Проблемы нету, а эти... — Глеб что-то показал руками замысловатое, — танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... — Глеб повторил: — При же-ла-нии — их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?»*

Следующие вопросы о космической науке, инопланетных разумных существах приводят к перлокутивному эффекту — тактике уклонения от разговора (адресат использует данную тактику как защитную реакцию), реализуемую коммуникативным ходом «вопросом на вопрос»: *«Вы кого спрашиваете?» — «Вас, мыслителей...» — «А вы готовы?»* (к общению с инопланетными существами. — *Примеч. авт.*) — *«Мы не мыслители, у нас зарплата не та...» [19, с. 10]*. Данный фрагмент беседы демонстрирует диалоговую тактику контроля над темой, стилистическим маркером которой является антифразис: *мыслители* и тактика иронии: *мы не мыслители, у нас зарплата не та...* Тактикой привлечения внимания и косвенных участников диалога (зрителей), и прямых адресатов являются риторические вопросы: *Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?*

Кульминация провокации выделена рассказчиком: *Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговоре со знатными людьми деревни наступал вот такой момент — когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.* Следующий шаг провокатора — коммуникативное давление (нападение), которое реализуется тактиками упрека: *...кандидатство — это ведь не костюм, который купил — и раз и навсегда;* иронии: *Нас тут, конечно можно удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов...* [19, с. 11] Ответной реакцией на коммуникативное давление

становится раздражение, обида, гнев жертвы провокации: *«Это называется — «покатил бочку, — сказал кандидат. — Ты что, с цепи сорвался? В чем собственно... <...> Типичный демагог-кляузник...»* [19, с. 11–12] Показателями эмоционально-психологического напряжения обиженного собеседника является сниженная лексика (*покатил бочку, с цепи сорвался*), незаконченное предложение, тактика дискредитации (*демагог-кляузник*).

Развязка провокации в рассказе «Срезал» — сцена признания Глеба Капустина. Так он объясняет свою особенность: *«Люблю по носу щелкнуть, не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...»* [19, с. 12] И тут же дает совет на правах «победителя»: *«Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленной, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свиданья. Приятно провести отпуск... среди народа».* — Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей [19, с. 12].

Тактика завершения разговора, тактика прощания и невербальные маркеры (*Глеб усмехнулся и неторопливо вышел*) свидетельствуют о том, что контроль над коммуникативной ситуацией по-прежнему у провокатора. На грамматическом уровне речевое превосходство проявляется с помощью псевдоимперативов: *«Не задирайся выше ватерлинии! Подумайте хорошенько — и поймете! Так что... будьте немного собранней».* Важно отметить значимость косвенных участников коммуникации, которые дают оценку коммуникативного поведения провокатора: *«Оттянул он его!.. Дошлий собака... Причесал бедного Константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла»* [19, с. 13]. Комизм вызывает сочетание просторечных лексем дошлий с положительной оценочностью — ‘опытный, сведущий, знающий’ [21, т. 1, с. 442] и собака — с отрицательной коннотацией, употребляется как бранное слово [21, т. 4, с. 168].

Важно подчеркнуть, что рассказчик (нарратор) рисует эмоциональный посткоммуникативный фон: сочувствие, жалость к жертвам провокации и одновременно похвалу «победителю» словесного поединка и признание таланта провокатора (посредством стилистических фигур: парцелляции и градации): *«В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще»* [19, с. 13].

Итак, от темы «первичности духа и материи», невесомости, стратегической философии, шаманизма в отдельных районах Севера, вопросов о Луне и инопланетных разумных существах до нескромности и отдаленности от народа — такой бессвязный диапазон предметов и средств коммуникации подчеркивает комический эффект провокации.

По мнению В.Н. Степанова, провокация — это «способ функционирования прагматической информации об особом намерении адресанта продемонстрировать определенное психическое состояние с целью вызвать у адресата аналогичное состояние» [4, с. 17]. То есть налицо конфликт психических состояний адресанта и адресата. Степанов подчеркивает, что мишенями провокации чаще всего становятся мысли, намерения, духовное состояние и внутренний мир человека [4, с. 25]. В рассказе В. Шукшина «Срезал» ярко прослеживается конфликт психических состояний провокатора и жертвы провокации. Мысли, внутренний мир адресата стали мишенями по главной цели коммуниканта-провокатора: выбить почву из-под ног у тех, кто выше по социальной лестнице, обнажить их несостоятельность и духовную слабость. Согласно делению типа провокатора на идеального и идейного [22, с. 15–16], демагога Глеба Капустина — главного героя рассказа «Срезал» — можно отнести к первому типу. Идеальный провокатор и есть, по сути, деконструктивист, цель которого уничтожить бинарные оппозиции, выявить скрытый смысл и вложить его в картину мира объекта провокации. Иными словами, посеять сомнение в его однозначном восприятии действительности, расшатать незыблемость, устойчивость его картины мира, сделать ее подвижной. У идеального провокатора сам процесс провокации — это не прямолинейная лобовая замена картин мира, а «рефлексивная игра», в отличие от идейного, цель провокации которого

– раздуть общественный скандал, поскольку энергия скандала идейному провокатору жизненно необходима, чтобы наращивать и утверждать значимость собственного «Я».

Важно подчеркнуть, что провокацию, по мнению Т.Н. Шеметовой, можно считать завершённой только в том случае, когда провокатор оценивает результат провокации (удачной или нет). В приведенном примере коммуникативной провокации удачное ее завершение (для провокатора) выражается не только в проецировании знакомой посткоммуникативной ситуации (Глеб Капустин, придя на работу, поинтересуется состоянием «кандидата» и победно усмехнется), но и в молчаливом отступлении адресата, то есть жертвы коммуникации, в похвале-энантисемии провокатору косвенных участников диалога и сочувствию побежденному: *дошлый собака; причесал бедного Константина Иваныча.*

Другим примером коммуникативной провокации, которая в рассказах В.М. Шукшина несет текстообразующую функцию, является рассказ «Шире шаг, маэстро!» Сюжетная линия почти фольклорная (главного героя посылают за чем-либо недостижимым/недоступным, в пути его ждут различные испытания): молодого врача Солодовникова отправили к директору совхоза за железными листами, но завскладом Морозов заявил протест, ссылаясь на то, что железо обещано колхозу «Заря». Как провокатор Солодовников использует целый набор коммуникативных тактик: упрек (*Что это такое в конце концов: я бросил больных, еду сюда, а тут стоит... некий субъект и корчит из себя черт знает что!*); угрозу (*Я вам покажу гонор. И кое-что еще! Мы найдем железо...*); шантажа (*Я сейчас не директору, а в райком буду звонить. Где телефон?*); апелляцию к социальным нормам посредством вопросов, цель которых – вызвать упрек или подозрение (*За молокососа тоже придется ответить. Вы на что намекаете? Что у нас молокососам жизни человеческие доверяют?*); иронию (*Привет тете...*) [19, с. 29–30].

Ожидаемая реакция адресата на угрозы провокатора проявляется в тактиках обиды, вызова сочувствия, жалости, злости, обвинения, призыва к ответственности (*Крутишься день-деньской на улице... Впору к вам ехать – лечиться; Морозов вынул руки из карманов, нехорошо сузил глаза на врача-молокососа...; А полегче, например, – это как, можно? Без гонора. Мм?*).

В отличие от Глеба, инициатора провокации в рассказе «Срезал», молодой врач в силу возраста, то есть неопытности, действует интуитивно, почувствовав нежелание завскладом объясняться с высшим руководством, основными тактиками выбирает угрозу и шантаж. Вероятно, его нельзя отнести ни к идеальному, ни к идейному провокатору, скорее, его положение промежуточное.

Тип идейного провокатора ярко представлен в рассказе «Гена Пройдисвет». Завязкой конфликта является желание племянника Генки вывести на чистую воду своего дядю, который вдруг стал верующим. Первая коммуникативная провокация – попытка вызвать на откровенность дядьку – успехом не увенчалась. Однако вопрос, отчего дядька уверовал в Бога, его серьезно *взволновал*. На этапе пре-коммуникации с позиции провокатора (поиска «болевых точек» адресата, его психологических особенностей) Генка узнал от отца о «братнином обращении в веру»: *Мужик, он ведь как: достиг возраста – и смяк телом. А башка ишо ясная – какие-нибудь вопросы хочет решать... <...> С чего началось-то? А у нас тут верующие-то есть, много. Старухи-то. Он стал к им похаживать от нечего делать, а те его сагитировали...* [19, с. 219–220]

После расспросов о *странностях* дяди Гриши у его дочери, Нюры Генка еще больше загорелся желанием докопаться до истины, зашел под предлогом «давай выпьем» к возмутителю его спокойствия и начал фазу прямой коммуникации с тактик признания и оправдания: *Ты не думай, дядь Гриша, я ведь не нахал... не подонок. Я религию уважаю, но... Где у вас тут стаканы-то?* [19, с. 221]

Тактику отвлекающего вопроса (*Где у вас тут стаканы-то?*) провокатор применяет для разрядки напряженной обстановки, о которой свидетельствовали шевелящиеся желваки и насмешливый взгляд дяди Гриши. Психологическое состояние, переживания героя подчеркивает рассказчик: *ему и впрямь было весело, и он правда волновался* [19, с. 220].

Как провокатор на фактической стадии коммуникации Генка начинает издали, вспоминая студенческие годы, согласиём (приём амортизации) на упрек дядьки о том, что его, взрослого мужика, не уважают, и переходит к вопросно-ответному ходу: *«Меня не уважают, да... — сказал он. — А что, обязательно, чтоб уважали? Ты из-за этого в бога поверил? — спросил. И сам ответил: — Из-за этого. Я тебя, кажется, понял. Между прочим, я бы тоже что-нибудь такое... придумал себе, но мне безразлично чужое мнение, вот моя слабость. Я в этом смысле какой-то нерусский, выродок какой-то. Но тебя я понимаю. Объясни, что с тобой происходит: ты зачуял смерть и забеспокоился — тебе неохота просто так уходить, тебе надо, чтоб о тебе потом говорили: он же верующий был. Так?»* [19, с. 223]

Провокативный вопрос о необязательности уважения окружающих позволяет перейти к главной теме разговора — вере в Бога. Коммуникативный ход «игра на понижение» (самопорицание: *какой-то нерусский, выродок*) — для смягчения дальнейшего объяснения поведения адресата страхом перед смертью и забвением. Ответная реакция адресата выражена в тактике обзывания, индикатором которой является сниженная лексика (инвективная): *дурак, волосатик*. Нежелание продолжать разговор, уход от конфликта адресат провокации подчеркивает вопросом-разоблачением: *«Ты для чего пришел сюда?» — «Понять, почему ты... Разоблачить тебя. Я не верю, что ты правда поверил в бога. Слушай, да кто же так в бога верит — повесил икону и заявил всем: я верующий! Ты что? Это же богохульство! Ты же ничего про бога не знаешь. Я больше тебя знаю...»*

Ответ Генки на вопрос дядьки — признание в истинной цели визита, то есть провокатор раскрывает карты. Отнести такую тактику к коммуникативному провалу нельзя, так как следующие тактики обвинения и упрека — переход в активную фазу провокации. После высказанного Генкой подозрения о сектантстве дядьки адресат переходит в нападение, используя тактику обзывания и угрозы: *Ишо, поганец такой, выговоришь эти слова, я тебя за стаканом прямо пристукну...* [19, с. 224]

Испуг, оскорбление и злость — ответные чувства провокатора, намеренно подчеркнутые рассказчиком, — сменяет физическая агрессия адресата, который бьет обидчика головой об пол, используя пейоративную лексику, антифразис, (*умная* головушка в значении «глупая»), лексический повтор, инвективы: *Вот так ее... — приговаривал он. — Умную-то головушку. Вот так, вот так... <...> Поганец, — тяжело дыша, сказал дядя Гриша, вытирая дрянным рукавом рубахи кровь с губы. — Будут тут... слова разные потреблять... Разинул рот-то. Шшенок* [19, с. 226].

Лучшая защита — нападение, именно эту тактику как ответную применяет провокатор, переходит на «высокие темы», используя восклицательные конструкции, тактики укора, оскорбления со сниженной лексикой (*деляга, фраер*), паузами, интонационными средствами (*закричал, как на базаре*), выразительными жестами (*постучал себя в грудь*): *«Ах, как горько! Речь идет о Руси! А этот... деляга, притворяться пошел. Фраер. Душу пошел насилловать...уважения захотел... Врать начал! <...> ...я знаю, что за мной — Русь: я не пропаду, я еще буду человеком. Мне есть к кому прийти! — Генка закричал, как на базаре, как на жадную, бессовестную торговку закричал, когда вокруг уже собрались люди и уже все равно и не стыдно кричать. — Мы же так опрокинемся!»* [19, с. 226–227] В приведенном фрагменте монолога отчетливо проявляются черты идейного (морального) провокатора, которому жизненно важно продемонстрировать правдивость своей позиции окружающим и несостоятельность таковой его адресата. Генку не останавливает почтенный возраст дяди Гриши, порицание вернувшейся домой в самый разгар драки Нюры. Ему важно освободить адресата от идейных заблуждений. После рассказа дяди Гриши об антихристе, его агентах и спасительной роли во всем этого «преподобного» Генка снова нападает на адресата, но с уже ослабленной хваткой: *«А возможно, что это не притворство у вас, — заговорил Генка из своих дум. И посмотрел на дядю Гришу. — Возможно, что тут налицо элементарная самодеятельность. — Он долго и участливо смотрел на дядю. Тот тоже глянул на него и обиженно отвернулся, поморщился даже от Генкиного словоблудия»* [19, с. 228] Развязкой коммуникативного конфликта становится желание Генки написать стихи про корову, то есть переключение внимания — прием предупреждения или свертывания словесной агрессии (так называемая «психологическая подножка»).

Интересной представляется смена коммуникативных доминант, то есть роли провокатора и адресата (его жертвы). Так, в рассказе В.М. Шукшина «Сапожки» контроль над инициативой сначала у продавщицы, которая примеряет роль провокатора, пытаясь унижить, оскорбить несостоятельного покупателя: обвинила Сергея Духанина, присмотревшего дорогие женские сапожки, в нетрезвости (*нальют глаза*), обозвала хамом, швырнула сапожок, в глазах ее обидчик увидел «белую ненависть», пытаясь парировать (*Вы что, поили меня, что так говорите?*). Смену коммуникативных ролей, которая происходит на этапе оплаты и контроля покупки, демонстрируют невербальные индикаторы:

Теперь в глазах продавщицы была и ненависть, и какое-то еще странное удовольствие.

«Я попрошу сапожки мои». — «На контроль», — негромко сказала она. — «Где это?» — тоже негромко спросил Сергей, чувствуя, что и сам начинает ненавидеть сухопарую продавщицу.

Продавщица молчала. Смотрела на него.

«Где контроль-то?» — Сергей улыбнулся прямо в глаза ей. — А? Да не гляди ты на меня, не гляди, милая, — женатый я. Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Так где говоришь, контроль-то?»

У продавщицы даже ротик сам собой открылся... Такого она не ждала (Неадекватная реакция. — Примеч. авт.).

Сергей отправился искать контроль.

«О-о! — подивилась она на себя. — Откуда что взялось! Надо же так уесть бабу! А вот не будешь психовать зря. А то стоит — вся изозлилась» [19, с. 39–40].

Как видно из диалога, кульминационным моментом коммуникативной провокации и одновременно сменой ролей является прочитанное Сергеем в глазах продавщицы «странное удовольствие», что и вызвало желание обиженного перехватить инициативу конфликта, используя тактику иронии. Внутренний монолог и самопохвала (*надо же так уесть бабу!*) демонстрируют победное завершение провокации.

Большинство рассказов В.М. Шукшина, в которых представлена коммуникативная провокация, отражает психологию идейного провокатора. Если целью коммуникации идеального провокатора (деконструктивиста) является уничтожение бинарных оппозиций [22, с. 15], то идейный провокатор ограничен рамками морали, которая охраняет его от презрения к самому себе, от критической оценки самого себя, поэтому его не удовлетворяет то, что его картина мира может не совпадать с картиной мира окружающих его людей, он старается заменить картину мира объекта провокации своей [22, с. 15].

Как справедливо отмечает в своей работе «Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов» И.И. Плеханов, «решения Шукшина ищут истину, апеллируют к природному разуму, добиваются суггестии через сопереживание, требуют поступка...» [23]. Цели и мотивы провокаций, порождающие определенные коммуникативные действия, отличаются: поставить на место тех, кто *задирается выше ватерлинии* («Срезал»); найти изъян во всем и во всех («Вечно недовольный Яковлев»); ностальгировать по наивной и доброй деревенской жизни («Выбираю деревню на жительство»); поддаться внезапно зародившейся мысли («Забуксовал», «Верую!»); задуматься о призвании («Миль пардон, мадам!»); осмеять псевдоинтеллектуальное искусство («Пьедестал»); уличить в притворстве, во лжи («Гена Пройдисвет») и т.д. Герои-провокаторы у В. Шукшина — обаятельные чудики, не юродивые, их сознание глубоко рефлексивно [23].

Провокация комизмом у героев С. Довлатова

Творчество С. Довлатова вызывает интерес до сих пор как у отечественных лингвистов ([24–26] и др.), так и зарубежных ([27, 28] и др.). Однако с точки зрения реализации комичности через провокативность исследование прозы писателя до настоящего времени не проводилось. В отличие от Шукшинских рассказов, в произведениях С. Довлатова пре-коммуникация как этап

в формировании провокации отсутствует, однако есть и другая специфика презентации этого коммуникативно-прагматического явления.

В рассказе «Жизнь коротка» показана ситуация, как писатель Левицкий встречает свой юбилей: *Господи! Еще один день рождения! Какая приятная неожиданность — семьдесят лет!* Как видим, в тексте эмоциональное высказывание больше несет характер автопровокации, что передает депрессивное настроение ее продуцента. В выделенной реплике сочетаются две тактики — признания и иронии, вернее, самоиронии. Далее мы видим подобный пример (диалог с прислугой): *«Вас ожидает дама». — Быстро спросил: «Не с косой?» — «Привезла вам какую-то редкость. Я думаю — книгу. Сказала — инкунабула»* [29, т. 1, с. 245]. Алогичный провокативный вопрос *Не с косой?*, построенный на аллюзии (вынесение в изолированную позицию предложно-падежной формы *с косой*, входящей в состав иносказательного агенса *дама с косой* в значении «смерть»), также свидетельствует о самоиронии писателя, при этом наблюдается гипореакция на это прислуги.

Провокацией в рассказе «Мы и гинеколог Буданицкий» может послужить и другой абсурдный вопрос, основанный на гиперболизации (*Навеки?*), но реакцию на него собеседника можно охарактеризовать как слабую: *Бернович как-то раз зашел и говорит: «Писатель, дело есть. Хочу у тебя поселиться». — «Навеки?» — поинтересовался Григорий Борисович с юмором и легкой тревогой. — «Нет, до среды исключительно»* [29, т. 3, с. 536].

В разговоре с редактором газеты (рассказ «Компромисс»), в которой рассказчик работал репортером, герой-Довлатов прибегает несколько раз то к провокативным вопросам, то к провокативным утверждениям: *Час спустя заглянул редактор: «Жюри штрафует вас на два очка». — «Какое еще жюри?» — «Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР». — «Логично. А худший из худших — на Восток?»* Отмечается использование тактики согласия (*Логично*), которая далее переходит в тактику оправдания (*Ничего. Я пошутил*): *«Что вы этим хотите сказать?» — «Ничего. Я пошутил. Разве ГДР — это Запад?» — «А что же это, по-вашему?» — «Вот Япония — это Запад!» — «Что?!» — испуганно вскричал Турунок. — «В идейном смысле», — добавил я. Тень безграничной усталости омрачило лицо редактора. — «Довлатов, — произнес он, — с вами невозможно разговаривать! Запомните, мое терпение имеет пределы...»* [29, т. 1, с. 278]

Как видим, провокация построена на столкновении разных картин мира (смещении фреймов) — политической (в СССР на первом месте по значимости были страны социалистического лагеря, в то время как капиталистические государства были практически под осуждением; на востоке СССР находились лагеря с политзаключенными), экономической (передовое техническое развитие Японии) и географической (Япония — восточная страна). Таким образом, журналист делает несколько провокативных ходов, после очередного из них используя прием «игра на понижение» для мнимой гармонизации эмоционального пространства. Тем не менее провокация по дестабилизации эмоционального состояния жертвы оказалась удачной, о чем свидетельствуют маркеры невербальных примет (*испуганно вскричал, безграничная усталость омрачила*).

Одно из заданий, которое получил герой-журналист к годовщине освобождения Таллина, — написать статью о четырехтысячном младенце, родившемся ко дню юбилея: *«Генрих Францевич, что касается снимков... Учтите, новорожденные бывают так себе...» — «Выберите лучшего. Подождите, время есть». — «Месяца четыре ждать придется. Раньше он вряд ли на человека будет похож. А кому и пятидесяти лет мало...» — «Слушайте, — рассердился Турунок, — не занимайтесь демагогией! Вам дано задание. Материал должен быть готов к среде. Вы профессиональный журналист... Зачем мы теряем время?...» И правда, думаю, зачем?* [29, т. 1, т. 282].

Провокативный прием демагогии был замечен редактором, а вот ирония, заключенная в намеке, заканчивающемся умолчанием (*А кому и пятидесяти лет мало...*) относительно того, кого можно назвать (взрослым) человеком, осталась незамеченной начальником, но не читателем.

Вторая провокация относительно потери времени (на написание статьи или ее содержательной пустоты) уже была не озвучена, а перешла в комментарий рассказчика.

Поиски новорожденного увенчались успехом, однако возник конфликт интересов: как назвать младенца: *Я спустился в автомат. Позвонил в контору. Редактор оказался на месте. <...> «С какими еще деньгами?» – «В качестве стимула. Чтобы ребенка назвали Лембитом... Отец согласен за двадцать пять рублей. Иначе, говорит, Адольфом назову...» – «Довлатов, вы пьяны!» – сказал Турунок. – «Ничего подобного» [29, т. 1, с. 299]. Как видим, градация в ответе на вопрос С какими еще деньгами? Приводит к тактике шантажа, поскольку присутствует аллюзия, связанная с прецедентным именем Адольф (апелляция к Адольфу Гитлеру). Несмотря на то, что ответом на провокацию была провокативная эмоциональная реплика *Довлатов, вы пьяны!*, коммуникативное давление в результате достигло цели – деньги были получены.*

Сосуществование стилистически разных и семантически несогласующихся лексем, изображающих одну коммуникативную ситуацию (*похвалить* от *хвалить* – «высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-либо» [21, т. 4, с. 594], *ерунда* – «разг. Что-либо несерьезное, пустое; вздор, чепуха» [21, т. 1, с. 466]), перекодирует оценочность первой реплики, поскольку далее применяется тактика дискредитации: *На летучке материал похвалили. «Довлатов умеет живо писать о всякой ерунде». – «И заголовок эффектный...» – «Слова откуда-то берет – аксессуары...» [29, т. 1, с. 326].* Исходя из слов автора, можно понять, что провокация «похвалой» не достигла цели, предполагаемая жертва провокации (нарратор) привыкла относиться к жизни с долей комизма, таким образом, провокация имела неадекватную реакцию – самоиронию.

Сосуществование в лексеме *корова* двух значений – «крупное домашнее молочное животное, самка быка» и «о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине» [21, т. 2, с. 106] тоже может привести к невольной провокации, лежащей в основе комизма: *«По-моему, их нужно сфотографировать рядом». – «Корова здесь не поместится, – разъярил Жбанков, – а там освещение хреновое». – «Как же быть?» Жбанков засунул аппарат в карман. – «Коров в редакции навалом», – сказал он. – «То есть?» – удивилась Белла. – «Я говорю, в архиве коров сколько угодно. Вырежу твою Линду и подклею» [29, т. 1, т. 361].* Чтобы не разгорелся конфликт (удивление собеседницы свидетельствует о нарушении эмоционального равновесия), Жбанков проясняет ситуацию, используя при этом прием «игра на понижение».

Комическая провокация может строиться на семантической редукции устойчивого выражения *подлинная жизнь* (ср.: *подлинный* – «истинный, не показной» [21, т. 3, с. 196]): известное идеологическое клише *отражать подлинную жизнь* в приведенном ниже контексте актуализирует свое значение отчасти, что можно понять, опираясь на пресуппозицию (в публицистике советского периода приветствовалось преувеличение положительных черт жизни советского общества и отображение ложного) и также на то, что буквальное понимание фразы одним из коммуникантов маркирует провокативность его реплики. Так, фраза синтаксический эмотив *вы меня без суда расстреляете!*, заключающий в себе гиперболизацию, свидетельствует о доведении до абсурда и дестабилизации собеседников (*негодующе переглянулись*): *«Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод. Проявите себя на тяжелой физической работе. Станьте рабкором. Отражайте в своих корреспонденциях подлинную жизнь...» – «Да за подлинную жизнь, – говорю, – вы меня без суда расстреляете!» Участники заседания негодующе переглянулись. Я был уволен «по собственному желанию» [29, т. 1, с. 382].*

Как видим, описание невербальных реакций (*негодующе переглянулись*) говорит о достижении провокатором своей цели – эмоциональной деструктивизации собеседников.

Текстовая пресуппозиция (две судимости брата) ведет к абсурдному восприятию фразы *Займись каким-нибудь полезным делом* и применению далее такого приема провокации, как моральный укор *Как тебе не стыдно?* Реакция предполагаемой жертвы провокатора – тоже провокация, выраженная при помощи синтаксической идиомы *Тот же мне учитель нашелся!* Далее

следует другой провокативный прием «игра на понижение», применяемый братом, – умаление тяжести преступления – *всего лишь убил человека, пытался сжечь его труп*, который переходит в очередной провокативный эмоциональный вопрос *А ты?!*, построенный по модели контекстуально неполного предложения. При этом также наблюдается смешение фреймов в аспекте «польза – вред»: *Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит: «Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?» – «Тоже мне учитель нашелся!» – «Я всего лишь убил человека, – говорит мой брат, – и пытался сжечь его труп. А ты?!»* [29, т. 1, с. 457]

Укор, основанный на гиперболизации (1) и абсурде (2) и содержащий в себе также тактику дискредитации как провокативный прием дважды используется и следующем контексте:

Докладывал второй секретарь обкома партии Болотников. В конце он сказал: «У нас есть образцовые газеты, например, „Знамя прогресса“. Есть посредственные, типа „Адмиралтейца“. Есть плохие, вроде „Турбостроителя“. И наконец, уникальная газета «Кадр». Это нечто фантастическое по бездарности и скуке» (1).

Я слегка пригнулся. Шлиппенбах, наоборот, горделиво выпрямился. Видимо, почувствовал себя го- нимым диссидентом. Затем довольно громко крикнул: «Ленин говорил, что критика должна быть обо- снованной!» – «Твоя газета, Юра, ниже всякой критики» (2), – ответил секретарь... [29, т. 3, с. 466].

Реакцией на первую провокацию секретаря стала ответная реплика-апелляция к авторитету (*Ленин*), реакция на второе провокативное высказывание в тексте рассказа отсутствует, но можно предположить, что коммуникативная цель была достигнута – собеседник был эмоционально де- стабилизирован и возразить уже не смог.

В профессиональном клише *Что вам угодно?* (1) (ср.: *Не угодно ли* – «употребляется как фор- мула вежливого предложения» [21, т. 4, с. 458]) значение предиката редуцировано, однако в усло- виях комического контекста буквализация (2) одного из возможных значений лексемы *угодно* («нужно» [21, т. 4, с. 458]) становится базой для формирования шуточной провокации через апел- ляцию к социальным нормам: *Я сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлоч- ными бакенбардами. «Что вам угодно?»* (1) – *«Мне угодно* (2), – говорю, – *чтобы все были доброже- лательны, скромны и любезны».*

Поскольку цель провокатора не была достигнута – отмечается гипореакция жертвы, клиенту приходится возвращаться в исходное дискурсивное пространство, о чем свидетельствует употре- бление лексемы *угодно* в значении – «желательно» [21, т. 4, с. 458] (3): *Официант, пресыщенный раз- нообразием жизни, молчал. «Мне угодно* (3) *сто граммов водки, пиво и два бутерброда»* [29, т. 2, с. 199].

Иногда в комическом плане используется провокация, основанная на субъективной трактов- ке той или иной ценности или антиценности, основанная на прагматике без учета лексического значения слова. Подобное явление наблюдается в произведении «Зона» при уточнении чего-ли- бо, в результате два понятия *способности* и *брань*, относясь к разным денотативным простран- ствам (обращает на себя внимание и оппозиция потенциальных сем: врожденное свойство – приобретенное), на их столкновении и строится провокация. Однако, как свидетельствует реак- ция предполагаемой жертвы провокации, ее цель достигнута, Фидель в ответе применяет тактику оправдания: *«А как у тебя насчет способностей?» – «Прекрасно, – ответил Фидель, – способностей у меня навалом. – «Матом выражаться», – подсказал Балодис. – «Не только», – ответил Фидель* [29, т. 2, с. 177].

Использование ироничного обращения-перифразы *трубадуры режима* (*трубадур* – «тот, кто прославляет, возвеличивает что-л.» [21, т. 4, с. 416], *режим* – «государственный строй, образ прав- ления» [21, т. 3, с. 697]) маркирует тактику дискредитации в провокации, которая вызвала гипер- реакцию со стороны ее жертв: *Обстановка в комнате литсотрудников – мрачная... «Салют, – го- ворю, – что приуныли, трубадуры режима?!» Молчат. И только Сидоровский хмуро откликается: «Твой цинизм, Довлатов, переходит все границы»* [29, т. 3, с. 449].

Заключение

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Эффект неожиданности роднит механизмы комизма и провокации непредсказуемостью перлокутивного эффекта, что, как мы убедились, лежит в основе некоторых произведений В. Шукшина и С. Довлатова. Однако различия, на наш взгляд, заключается в следующем: у В. Шукшина на феномене провокативности строится целый рассказ, то есть провокация выполняет сюжетообразующую функцию. Такую провокацию мы предлагаем назвать комической. У С. Довлатова наблюдается фрагментарность провокативных контекстов, на них строятся микродиалоги героев произведений, создавая эффект «матрешки» – малый комический жанр внутри более крупного эпического жанра (рассказа), при этом можно говорить о кульминационнообразующей функции провокации в микродиалоге в ходе создания комизма, то есть таким образом фиксируется ее сильная позиция внутри текста. За счет введения комического по сути высказывания (о тактиках и языковых средствах будет сказано ниже) не все герои-собеседники его понимают. В этом случае можно говорить о провокации комизмом, поскольку в основе лежит особый тип метаиллокуции, характерный для комических речевых актов [30].

2. В структурном плане в произведениях В. Шукшина наблюдаются все фазы провокации, у С. Довлатова отсутствует пре-коммуникация, поскольку герой-рассказчик осведомлен о системе взглядов потенциальной жертвы, знает ее «болевые» точки. В провокациях отсутствует также фаза, связанная с применением стандартных вопросов для анализа возможных стандартных ответов. Доминирующий коммуникант играет на понижении коммуникативного статуса социально-административного лидера.

3. Самыми частотными коммуникативными тактиками провокаторов в текстах Шукшина можно назвать тактики упрека, оскорбления, иронии/насмешки, уговоров, дискредитации, провокативного вопроса, которые реализуют инвективы, лексы агрессии, в том числе пейоративы, антифразис, не прямые предикации, прагматически окрашенные частицы, а также интонационные и невербальные маркеры (паузы, умолчания, мимика, жесты и т.д.).

4. Некоторые тактики провокатора в произведениях С. Довлатова сходны с приемами героев В. Шукшина. Это ирония, дискредитация и провокативный вопрос. Кроме того, отмечены еще провокативное утверждение, игра на понижение, намек, шантаж и признание. Одной из ведущих тактик является намек, реализуемый в аллюзиях и гиперболизации. Эти же стилистические средства наблюдаются при дискредитации и шантаже жертвы провокации. Другие лингвистические средства, отмеченные в ходе манипулирования собеседника, – умолчание, столкновение языковых единиц разной стилистической отнесенности, игра на полисемии (часто на свободном и связанном значениях) (о резком переключении хода мыслей из одного ассоциативного контекста в другой с помощью триггера – лексического сигнала см. [31]), семантическая редукция.

5. Со стороны адресатов агрессии в произведениях В. Шукшина чаще всего отмечалось использование тактик игнорирования, завершения разговора, переспроса, опровержения, возмущения, уклонения, переключения внимания, сопряженных с невербальными индикаторами (красноречивое молчание, взгляд, позы и т.д.), реализуемые такими языковыми средствами, как незаконченные предложения, умолчание, переспросы, оценочная лексика и т.д.

6. Как и у В. Шукшина, герои-жертвы С. Довлатова демонстрируют гипореакцию, используя тактику уклонения. Гиперреакция маркирует эмоциональную дестабилизацию собеседника, о чем свидетельствуют лексические и синтаксические эмотивы либо ответная провокация. Еще один вид реакции – самоирония. Нами еще обнаружены такие разновидности провокации, как автопровокация и невольная/непреднамеренная провокация (последняя по своей целевой установке противоречит самой природе провокации и, на наш взгляд, представлена автором для создания комической ситуации для читателя).

7. Говоря о завершенности провокативной коммуникации, можно отметить, что в рассказах В. Шукшина она часто присутствует, так как в большинстве коммуникативных провокаций инициатор ее оценивает результат провокации как удачный, то же наблюдается и в произведениях С. Довлатова, правда, вербального подтверждения удачно проведенной провокации нет, читатель это понимает по косвенным признакам и сам делает вывод.

Изучение провокативной коммуникации на материале художественных произведений и публичного общения в условиях массовой коммуникации позволит определить маркеры социальных и личных отношений в обществе, выявить идеологические и социальные тенденции языковой картины мира определенной эпохи, отраженной в том или ином произведении и в разных сферах жизнедеятельности человека.

Таковы результаты сопоставительного описания феномена провокации в комических контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Иссерс О.С.** Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
2. **Козлов А.Е., Саженин И.И.** Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 142–155.
3. **Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В.** Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата (на материале немецкой прессы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 91–113.
4. **Степанов В.Н.** Провокативный дискурс массовой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 38 с.
5. **Середухина Т.А.** Провокация как коммуникативная неудача // Филология и искусствоведение. 2013. № 10. С. 314–323.
6. **Гиппенрейтер Ю.Б.** Введение в общую психологию. М.: Гнозис, 2000. 261 с.
7. **Кошкарова Н.Н.** Провокативное общение как разновидность конфликтного дискурса // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах: материалы IX Всероссийского научного семинара, Томск, 25–26 апреля 2008 г. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2008. С. 140–145. URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/provokativnoe_obshhenie_kak_raznovidnost_konfliktnogo_diskursa_n_n_koshkarova/4-1-0-149 (дата обращения: 10.12.2023).
8. **Борев Ю.** Комическое // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 145–148.
9. **Veatch T.C.** A Theory of Humor // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 11. № 2. P. 161–216.
10. **Martin R.A., Kuiper N.A.** Daily Occurrence of Laughter: Relationship with Age, Gender, and Type A Personality // Humor: International Journal of Humor Research. 1999. Vol. 12. P. 355–384.
11. **Attardo S., Hempelmann C., Di Maio S.** Script Oppositions and Logical Mechanisms: Modeling Incongruities and Their Resolutions // Humor: International Journal of Humor Research. 2002. Vol. 15. № 1. P. 3–46.
12. **Костерина А.Б., Конин Е.А.** Смех как провокация // Аналитика культурологи. 2015. Вып. 2 (32). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2036-смех-как-провокация.html> (дата обращения: 12.02.2024).
13. **Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2008. 496 с.
14. **Белянин В.П.** Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
15. **Тимошенко Е.И.** О приемах создания комического эффекта в ранних рассказах А.П. Чехова // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). С. 79–91.
16. **Черницына Т.В.** Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 26 с.

17. **Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта, 2016. 464 с.
18. **Стексова Т.И.** Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 77–81.
19. **Шукшин В.М.** Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Молодая гвардия, 1993. 607 с.
20. **Берн Э.** Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2014. 1219 с.
21. **МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.** 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
22. **Шеметова Т.Н.** Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсерватория культуры. 2014. № 1. С. 11–17. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (дата обращения: 02.12.2019).
23. **Плеханова И.И.** Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 18–29. DOI 10.26170/FK20-01-02
24. **Матвеева И.В.** Культурный и образный мир языка писателя: на материале произведений Сергея Довлатова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 26 с.
25. **Хлупина М.А.** Особенности языковой личности С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.
26. **Шацкая М.Ф.** Релятивные пропозиции со значением ‘разделительность’ в условиях языковой игры // Известия ВГПУ. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки. 2019. № 10 (143). С. 189–194.
27. **Lanin B.** The image of Women in the prose of Sergei Dovlatov // Woman and Russian Culture Project and Self-Perceptions Rosalind Marsh. New York; Oxford: Berghahn Books, 1998. URL: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/slavic/wofam799.html> (дата обращения: 08.02.2024).
28. **Sukhrob M.** The Image of a Russian Intellectual in Immigration in the Work of S. Dovlatov // European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies. 2022. № 11. P. 184–187.
29. **Довлатов С.** Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2005.
30. **Плотникова С.Н.** Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 162–172.
31. **Kazarian S.S.** Unveiling the Humor Mind of the – Starving Armenians: Literary and Internet Humor // Humor: International Journal of Humor Research. 2013. Vol. 26. № 2. P. 371–384.

REFERENCES

- [1] **Issers O.S.**, Strategiya rechevoy provokatsii v publicnom dialoge [The strategy of speech provocation in public dialogue], Russian Language and Linguistic Theory. 2 (18) (2009) 92–104.
- [2] **Kozlov A.Ye., Sazhenin I.I.**, Provokativnyy diskurs kak obyekt lingvisticheskogo analiza [Provocative discourse as an object of linguistic analysis], Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 5 (27) (2015) 142–155.
- [3] **Ionkina Ye.Yu., Tikhayeva V.V.**, Realizatsiya kommunikativnoy taktiki provokatsii v intervyyu-portrete: osnovnyye stsennarii rechevogo povedeniya adresata (na materiale nemetskoj pressy) [Implementation of the communicative tactics of provocation in a portrait interview: the main scenarios of the addressee's speech behavior (based on the material of the German press)], Bulletin of Tomsk State University. Philology. 71 (2021) 91–113.
- [4] **Stepanov V.N.**, Provokativnyy diskurs massovoy kommunikatsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The provocative discourse of mass communication. Doct. philol. sci. diss], St. Petersburg, 2005.
- [5] **Seredukhina T.A.**, Provokatsiya kak kommunikativnaya neudacha [Provocation as a communicative failure], Philology and Art Criticism. 10 (2013) 314–323.
- [6] **Gippenreyter Yu.B.**, Vvedeniye v obshchuyu psikhologiyu [Introduction to general psychology], Gnosis, Moscow, 2000.
- [7] **Koshkarova N.N.**, Provokativnoye obshcheniye kak raznovidnost konfliktnogo diskursa [Provocative communication as a kind of conflict discourse], Semantics and Pragmatics of the Word in Artistic and Journalistic Discourses, Materials of the 9th All-Russian Scientific Seminar, Tomsk, 2008, pp. 140–145.

Available at: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/provokativnoe_obshhenie_kak_raznovidnost_konfliktnogo_diskursa_n_n_koshkarova/4-1-0-149 (accessed 10.12.2023).

[8] **Borev Yu.**, *Komicheskoye [Comical]*, Dictionary of Literary Terms, editors-compilers L.I. Timofeev and S.V. Turaev, Enlightenment, Moscow, 1974, pp. 145–148.

[9] **Veatch T.C.**, A Theory of Humor, *Humor: International Journal of Humor*. 11 (2) (2009) 161–216.

[10] **Martin R.A., Kuiper N.A.**, Daily Occurrence of Laughter: Relationship with Age, Gender, and Type A Personality, *Humor: International Journal of Humor Research*. 12 (1999) 355–384.

[11] **Attardo S., Hempelmann C., Di Maio S.**, Script Oppositions and Logical Mechanisms: Modeling Incongruities and Their Resolutions, *Humor: International Journal of Humor Research*. 15 (1) (2002) 3–46.

[12] **Kosterina A.B., Konin Ye.A.**, Smekh kak provokatsiya [Laughter as a provocation], *Cultural Studies Analytics*. 2 (32) (2015). Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2036-смех-как-провокация.html> (accessed 02.12.2024).

[13] **Babenko L.G., Kazarin Yu.V.**, *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice]*, Flint, Nauka, Moscow, 2008.

[14] **Belyanin V.P.**, *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki. (Modeli mira v literature) [Fundamentals of psycholinguistic diagnostics. (Models of the world in literature)]*, Trivola, Moscow, 2000.

[15] **Timoshenko Ye.I.**, O priyemakh sozdaniya komicheskogo effekta v rannikh rasskazakh A.P. Chekhova [On the techniques of creating a comic effect in the early stories of A.P. Chekhov], *Libri Magistri*. 2 (12) (2020) 79–91.

[16] **Chernitsyna T.V.**, *Kommunikativnyye strategii pokhvaly i poritsaniya v idiosstile V.M. Shukshina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Communicative strategies of praise and blame in the idiosyncrasy of V.M. Shukshin. Cand. philol. sci. diss.]*, Volgograd, 2013.

[17] **Kozhina M.N., Duskayeva L.R., Salimovskiy V.A.**, *Stilistika russkogo yazyka: uchebnyy [Stylistics of the Russian Language: textbook]*, Flinta, Moscow, 2016.

[18] **Steksova T.I.**, Rechevaya agressiya v internet-komentariyakh kak proyavleniye sotsialnoy napryazhennosti [Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension], *Political Linguistics*. 3 (45) (2013) 77–81.

[19] **Shukshin V.M.**, *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, in 6 vols., Vol. 3, Molodaya gvardiya, Moscow, 1993.

[20] **Bern E.**, *Igry, v kotoryye igrayut lyudi [Games People Play]*, Eksmo, Moscow, 2014.

[21] **MAS – Slovar russkogo yazyka [MAS – Dictionary of the Russian Language]**, in 4 vols., ed. by A.P. Evgenieva, Russian language, Moscow, 1981–1984.]

[22] **Shemetova T.N.**, *Iskusstvo provokatsii i idealnyy provokator [The art of provocation and the ideal provocateur]*, *Observatory of Culture*. 1 (2014) 11–17. Available at: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (accessed 02.12.2019).

[23] **Plekhanova I.I.**, *Provokatsiya v khudozhestvennom soznanii V. Shukshina: motivy i predely ispytaniya smyslov [Provocation in the artistic consciousness of V. Shukshin: motives and limits of the test of meanings]*, *Philological Class*. 25 (1) (2020) 18–29. DOI 10.26170/FK20-01-02

[24] **Matveyeva I.V.**, *Kulturnyy i obraznyy mir yazyka pisatelya: na materiale proizvedeniy Sergeya Dovlatova: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [The cultural and imaginative world of the writer's language: Based on the works of Sergei Dovlatov. Cand. philol. sci. diss.]*, Orel, 2004.

[25] **Khlopina M.A.**, *Osobennosti yazykovoy lichnosti S. Dovlatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Features of the linguistic personality of S. Dovlatov. Cand. philol. sci. diss.]*, Moscow, 2015.

[26] **Shatskaya M.F.**, *Relyativnyye propozitsii so znacheniyem ‘razdelitelnost’ v usloviyakh yazykovoy igry [Relational propositions with the meaning of ‘separateness’ in the context of a language game]*, *News of the VSPU. Series: Pedagogical Sciences. Philological sciences. Historical sciences*. 10 (143) (2019) 189–194.

[27] **Lanin B.**, *The image of Women in the prose of Sergei Dovlatov, Woman and Russian Culture Project and Self-Perceptions Rosalind Marsh*, Berghahn Books, New York, Oxford, 1998. Available at: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/slavic/wofam799.html> (accessed 08.02.2024).

[28] **Sukhrob M.**, *The image of a russian intellectual in immigration in the work of s. Dovlatov*, *European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies*. 11 (2022) 184–187.

[29] **Dovlatov S.**, *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, in 4 vols., ABC Classics, St. Petersburg, 2005.

30. **Plotnikova S.N.**, *Komicheskyy diskurs // Aksiologicheskaya lingvistika: igrovoye i komicheskoye v obshchenii: sb. nauch. tr. [Comic discourse, Axiological linguistics: gaming and comic in communication: collection of scientific works]*, Peremena, Volgograd, 2003, pp. 162–172.

31. **Kazarian S.S.**, Unveiling the Humor Mind of the – Starving Armenians: Literary and Internet Humor, *Humor: International Journal of Humor Research*. 26 (2) (2013) Pp. 371–384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Шацкая Марина Федоровна

Marina F. Shatskaya

E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8595-4756>

Черницына Татьяна Владимировна

Tatyana V. Chernitsyna

E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9661-5904>

Поступила: 14.03.2024; Одобрена: 22.04.2024; Принята: 29.05.2024.

Submitted: 14.03.2024; Approved: 22.04.2024; Accepted: 29.05.2024.